

Этнопсихология

Андрей Хвостов, Елена Афонасенко,
Зоя Гаджимурадова

МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ТРЕХ КУЛЬТУР: КИТАЙСКАЯ, РУССКАЯ, ДАГЕСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Интерес к кросс-культурным особенностям, в том числе к отличиям одних культур от других в плане этических воззрений, имеет долгую историю. Тем не менее все еще сравнительно немного работ, в которых стандартными методами исследуется несколько совершенно разных культур. Понятие культуры весьма неопределенно. В него могут включаться религия, традиции, обычаи, искусство, элементы политического, экономического сознания и многие, самые разнообразные аспекты субъективного и объективного мира. Ниже мы рассмотрим те уникальные характеристики культуры, влияние которых на моральное сознание и менталитет в целом видится исследователям наиболее значимым.

Китай

Уникальность традиционного Китая, в отличие от христианского Запада, – в особом восприятии мира, в философии и традициях, которые представляют собой отличную от западной ментальность. Она сложилась под влиянием трех ценностных ориентаций, которые обладают внутренним единством. Конфуцианство видит идеал в гармоническом мире честности и верности, вежливости и справедливости, идеал устремлен к реальному миру. Даосизм тренирует тело человека, стремится к его вечности, к продлению светской жизни до бесконечности. Буддизм апеллирует к духовности, акцентирует внимание на том, что душа попадет в рай и дух достигнет высшей цели.

Этика ритуала

Однако, согласно мнению многих авторов, основой китайской культуры стало конфуцианство. Конфуцианство называют иногда этикой ритуала [1]. Конечно, в любом обществе существуют восходящие к глубокой древности традиции, немалое место занимают жестко

фиксированные стереотипы поведения и речи, исторически сложившиеся нормы взаимоотношений. Но когда речь заходит о китайских церемониях, все остальное отступает в тень.

Так, на уровне обыденного сознания мы выделяем так называемые китайские церемонии. Их ориентировочное число в Поднебесной: 300 основных и еще 3000 дополнительных [2]. Суть этих церемоний в том, что упомянутые нормы и правила отнюдь не сводятся к рекомендациям. Это прежде всего жесткие и обязательные регламенты и уж только во вторую очередь рекомендации. Во всяком случае, именно так воспринимают их все те, кто рассчитывают иметь успех в обществе, сделать карьеру, снискать репутацию достойного благонамеренного человека.

Ли – социальные нормы Китая

Социальные нормы *ли*, обладая громадным авторитетом, цементировали общество Китая многие века. Ли действительно давали опору индивидууму в древнекитайском обществе, ибо в соответствии с ли социальное место индивидуума и его поведение были очевидно и твердо регламентированы. Ли в их устоявшемся виде не совпадали с обычным правом, хотя, безусловно, по своему происхождению были связаны с ним. Ли не были и законом. От обычного права и закона ли отличались тем, что несоблюдение их совсем не обязательно влекло за собой санкцию, наказание. Между тем ли с законом роднило требование и даже необходимость их неукоснительного соблюдения [3].

Дагестан

Дагестан, в отличие от Китая, в котором есть титульный этнос, это полиэтничный и полилингвистический регион. И так, в Дагестане нет так называемого титульного этноса, титульного языка [4]. Здесь на относительно небольшой территории живет более 30 народностей, в большинстве своем малочисленных, миноритарных. Именно эти народности образуют единое и целостное содружество, именуемое дагестанским народом. Это так называемая надэтническая общность регионального типа [5], в которой происходит «сплав» культурных особенностей населяющих регион этнических групп. Это знание сопредельных языков, взаимопроникновение элементов традиционных культур, общность обычаев и норм поведения. Для таких регионов в целом характерны высокий уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных межэтнических конфликтов.

Традиционная
полиэтничность и
роль ислама
в жизни общества

Далее стоит отметить огромную роль ислама в жизни мусульманского общества, в том числе и Дагестана. Ранее в странах христианского Запада в условиях духовной диктатуры религии и церкви светская власть и законодательство всегда в какой-то мере были все же автономными. Другое дело ислам. Характерной особенностью его идеологической системы является то, что она выступает как тотальная, как синтез догматического, правового, морально-этического, философского и традиционного. Имам (мулла) в мусульманской общине ранее иногда являлся одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком, сборщиком налогов. Ислам, будучи закрепленным в виде шариата – канонических правил поведения мусульманина, содержащих не только юридические, но и нравственные нормы, не расчленяя их на мораль и право, влияет на формирование общественного и личного сознания, на образ жизни людей и их взаимоотношения [6]. Даже такие акты, как договоры о купле-продаже, об аренде земли и домов, о займе денег и т.д., заключались у духовных судей.

Россия

Если в рассмотренных культурах были весьма четко прописаны права, обязанности, нормы, этикет, то в России в равной степени этого не было. Была введена жесткая структура идеальной православной семьи, что выявилось в положениях «Домостроя». Книга, созданная священником Благовещенского собора в Кремле и наставником Ивана IV Сильвестром, стала кодексом русской семейной морали. Однако во многих других отношениях (в деловых, межличностных) жестких предписаний было сравнительно немного. Кроме того, в российском религиозном мировоззрении корни язычества достаточно сильны, что также дает иногда основания говорить об элементах «двоеверия» и о возможном «двойном сознании».

Преобладание
моральных
представлений над
политическими
и правовыми

В современной России одной из ведущих характеристик менталитета, по мнению К.А. Абульхановой [7], оказалось преобладание морального сознания — моральных представлений над политическими и правовыми (но пока нельзя сказать, что и над экономическими). Это не представления о добре и зле, даже не представления о справедливости, это прежде всего чувство ответственности и совесть. Моральные представления имеют больший удельный вес, более развиты и входят составляющими и в политические, и в правовые. Последние, напротив, не развиты и компенсируются моральными отношениями, которые устанавливаются на уровне непосредственного взаимодействия людей. Например, в

Необходимость кросс-культурного исследования	<p>Европе можно заниматься совместной деятельностью с человеком, который не нравится, не симпатичен. В России для успеха такой деятельности люди должны вступить в личные, доверительные отношения, поскольку нет четких профессиональных правил и критериев. В России оказался не выработан опыт социального взаимодействия, основанный на отвлеченной, в определенном смысле безличной обязанности каждого, отсюда зависимость успешности от «хорошего» человека и добрых отношений.</p>
Описание методики	<p>Вполне очевидно, что рассмотренные культуры значительно разнятся во многих аспектах; прежде всего в религии и ее роли в жизни общества, в традициях социальных отношений. Поэтому несомненный интерес представляет сравнительное исследование морального сознания трех культур.</p> <p>Методика. Полное описание методики, теоретических основ, принципов конструирования и т.д. занимает столько места, что заинтересованному читателю предлагаем обратиться к соответствующей работе [8]. Используемая методика состоит из двух блоков вопросов: в первом (25 вопросов) предлагается решить некоторую неоднозначную в моральном плане ситуацию (например, «Недопустимо (или, наоборот, важно) украсть лекарство для умирающего»). Во втором блоке (30 вопросов) – выразить свое согласие или несогласие с тем или иным моральным принципом (например, «Бороться со злом надо его средствами...»).</p>
Выборка	<p>Всего было опрошено 100 китайских студентов. (Перевод на китайский язык выполнен под руководством Е.В. Афонасенко на кафедре китайского языка БГПУ. Исследование проведено на студентах 4–5-х курсов различных факультетов Хэйхэского педагогического института). Дагестанцы разных национальностей (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы и лезгины) представлены примерно поровну, всего 263 мужчины и 261 женщина (данные собраны в 2004–2005 годах в Махачкале; разные факультеты ДГПУ). Русские (в большинстве) представлены студентами разных вузов Москвы, Краснодара, Благовещенска и Уссурийска (данные собраны в 2000–2004 годах, всего 319 женщин и 263 мужчины). Средний возраст всех групп 21–22 года, различия в возрасте незначимы.</p>
Количественная характеристика	<p>Для сравнения групп по количественным показателям проявления признака использовался Т-критерий Стьюдента. В описании не приводятся уровни значимости различий, точные абсолютные значения,</p>

Китайцы –
русские

Принципиальные
различия

поскольку это очень перегружает описание. Однако позиции определены, указаны те отличия, которые достоверны как минимум на 1% -м уровне значимости.

Китайцы – русские. Различия в **моральных ценностях и принципах** практически во всем, сходства мало. Сходство только в общих сомнениях в том, что мораль – просто этикет, в принципе талиона – «око за око», общее несогласие с тем, что люди неблагодарны и добром за добро не отвечают. И все примерно в равной степени получают удовольствие от того, что доставили радость другому. Но на этом сходство и заканчивается.

Прежде всего, русские в целом отличаются своеобразным «анархизмом»; они за то, что каждый ответственный перед собой, в первую очередь, он свободен определять, что и кому должен, каждый может следовать морали, которая ему ближе, сам решать, что хорошо, что плохо. Китайцы во всех этих вопросах против самоопределения в морали – правила предначертаны и им надо следовать.

Принципиальные различия обнаруживаются и в локус-контроле. Русским, в отличие от китайцев, свойственно сваливать негативные личные качества на общество – оно виновато в том, что делает людей такими, какие они есть. Китайцы не считают возможным оправдывать необходимость зла добрыми целями. Они против (тогда как россияне – за) частных в этом вопросе: не хотят вести себя безнравственно с негодьями, применять к ним силу, и сомневаются в том, что не все стоят того, чтобы с ними церемонились. О том, что о людях в целом они лучшего мнения, говорит и то, что они не считают людей неблагодарными, способными на добро ответить злом.

В равной степени интернальный локус-контроль китайцев проявляется и в вопросах, в которых нет принципиальных расхождений. Так, китайцы категоричнее русских не согласны, что человек не отвечает за свои качества, так как одни рождены добрыми, другие – порочными. Китайцы гораздо больше ориентированы на ответственность перед собой (главное, чтобы не было стыдно перед собой, а не перед другими). И они, при сомнениях русских, отрицают «вкусовщину» и интуицию в решении моральных вопросов. И уверенно отрицают, что главное – результат, а не моральные принципы. Европейское «победитель прав» ими не принимается (хотя и россияне на уровне неопределенности по этому вопросу). Парафраз «нравственное поведение само по себе немного стоит» вызывает сходное отношение.

Не все так просто...

Однако все не так просто, как можно было бы предполагать. Китайцы скорее согласны бороться со злом его средствами, согласны и с тем, что трудно судить о том, что хорошо, а что плохо, так как мораль часто меняется. Противоречие и в том, что они больше ориентированы на ожидания (порядочного поведения) со стороны других людей и, при сомнениях россиян, согласны с тем, что следует себя вести так, как принято, даже если с этим не согласен. Хотя, с другой стороны, противоречие можно объяснить и снять следующим образом. Внешний (экстернальный) локус-контроль – следование ожиданиям общества, определенный конформизм – проявляются там, где речь идет о позитивном поведении. Тогда как в принципах, которые явно или подспудно подразумевают отрицательные действия, выражен интернальный контроль. Проще говоря, китайцы не склонны отрицать положительные нормы общества и подчиняются им, но более ответственны там, где возникает вопрос о негативном поведении.

Решение
моральных
дилемм

Анализ решения **моральных дилемм** начнем с принципиальных различий, в которых одни – за, другие – против. Китайцы против подсказок на экзамене, заведомо выигранных споров на деньги, компромисса с бандитом даже ради спасения жизней невиновных. Но их принципиальность не абсолютна: они могут заявить выгодное фирме мнение, покрывив при этом честию профессионала. При этом они за более строгое (чем принято у русских) наказание в случае серьезных последствий и в наказание могут занизить ученику оценку за плохое поведение. Вероятно, не случайно китайцы против прощения обид и выступают за месть за нанесенный ущерб (при сомнениях россиян).

Очевидно, на основании только перечисленных различий получается довольно «пестрая» картина, не дающая оснований к каким-либо определенным выводам. Необходимо обратиться к различиям в выраженности позиций. Они видны практически во всем, и почти везде китайцы категоричнее отрицают достижение доброй цели злыми средствами. Так, они не хотят утаивать на суде сведения, даже если может пострадать невиновный; сомневаются, можно ли украсть лекарство для умирающего; они против управления автомобилем в нетрезвом виде, даже если срочно требуется доставить больного; сомневаются относительно пыток к террористу, даже если надо узнать, где заложена бомба.

В моральных принципах явные отличия во внутреннем локус-контроле китайцев: не оправдывают себя

и другого никаким из предложенных способов. В отличие от русских, китайцы против анархизма в морали. Подчиняются только принятым нормам. В решении неоднозначных моральных дилемм – против нарушения правил, чем бы это ни обернулось. Однако в целом о людях китайцы лучшего мнения. Хотя это не распространяется на прямых нарушителей законов – китайские студенты считают, что необходимо наказывать виновного, не должно быть прощения. При этом наказывать можно просто несправедливо, с точки зрения европейского права, – строже, чем предписано кодексом. И несправедливо, с точки зрения европейской морали (можно занижить ученику оценку по предмету за поведение).

Китайцы – дагестанцы

Китайцы – дагестанцы. Различия в моральных ценностях и принципах очень многочисленны, сходства мало. Сходство в том, что отрицается прямой «анархизм», который предполагает свободу и ответственность только перед собой, наоборот, в равной степени обе культуры согласны с тем, что следует вести себя в соответствии с ожиданиями – порядочно. Также общее несогласие с тем, что люди неблагодарны и добром за добро не отвечают, и примерно в равной степени представители этих культур получают удовольствие от того, что доставили радость другому. Но на этом сходство и заканчивается.

Принципиальные различия

Прежде всего, дагестанцы в целом отличаются своеобразным «анархизмом»; они считают мораль скорее этикетом, предполагают, что люди считают моральным то, что выгодно. Поэтому дагестанцы за то, что каждый может действовать по интуиции, он свободен определять, что и кому должен, каждый может следовать морали, которая ему ближе, сам решать, что хорошо, что плохо; главное – не нарушать правил и приличий. Китайцы во всех этих вопросах против самоопределения в морали.

Принципиальные различия обнаруживаются и в локус-контроле. Дагестанцам, в отличие от китайцев, свойственно сваливать негативные личные качества на общество – оно виновато в том, что делает людей такими, какие они есть. Китайцы не считают возможным оправдывать необходимость зла добрыми целями. Они против (тогда как дагестанцы – за) частных в этом вопросе: не хотят вести себя безнравственно с негодьями, применять к ним силу и сомневаются в том, что не все стоят того, чтобы с ними церемонились.

Этого короткого обзора достаточно, чтобы убедиться в том, что отличия практически те же, что были меж-

ду русскими и китайцами. Если продолжить сравнение далее, то та же тенденция сохраняется.

В частности, в равной степени интернальный локус-контроль китайцев проявляется в вопросах, в которых нет принципиальных расхождений. Китайцы гораздо больше ориентированы на ответственность перед собой (для них важнее, чтобы не было стыдно перед собой, а не перед другими). И категоричнее отрицают, что главное – результат, а не моральные принципы; «победитель прав» ими не принимается. Парафраз «нравственное поведение само по себе немного стоит» вызывает сходное отношение. Вероятно, далее сравнение можно не продолжать; отличия между китайцами и дагестанцами практически те же, что между русскими и китайцами.

Решение
моральных
дилемм

Анализ решения **моральных дилемм** начнем с принципиальных различий, в которых одни – за, другие – против. И снова очевидно, что они абсолютно те же, что и между русскими и китайцами. Китайцы против подсказок на экзамене, заведомо выигранных споров на деньги, компромисса с бандитом даже ради спасения жизней невиновных. Но их принципиальность не абсолютна: могут заявить выгодное фирме мнение, покрывив при этом честью профессионала. При этом они за более строгое (чем принято в России) наказание в случае серьезных последствий, в наказание могут занижить ученику оценку за плохое поведение. Очевидно, не случайно китайцы против (при сомнениях россиян в целом) прощения обид и выступают за месть за нанесенный ущерб.

При анализе различий в выраженности позиций тенденция та же. Они видны практически во всем, и почти везде китайцы категоричнее отрицают достижение доброй цели злыми средствами. Так, они не хотят утаивать на суде сведения, даже если может пострадать невиновный; сомневаются, можно ли украсть лекарство для умирающего; против управления автомобилем в нетрезвом виде, даже если срочно требуется доставить больного; сомневаются относительно пыток к террористу, даже если надо узнать, где заложена бомба.

Русские –
дагестанцы

Русские – дагестанцы. Если рассматривать межэтнические особенности **моральных ценностей**, то видно отсутствие принципиальных отличий, когда представители одной культуры являются сторонниками некоторой ценности или принципа, а другой – противниками. Единственное принципиальное отличие в том, что дагестанцы в целом склонны считать, что мораль – просто

этикет; главное – не нарушать правил и приличий, тогда как русские с этим скорее не согласны. Далее, дагестанцы сомневаются, что надо вести себя так, как принято в обществе, даже если с этим не согласны; русские против.

Некоторые межэтнические особенности характерны **только для мужчин**, они не выражены, их очень немного. **Между женщинами** различия иные, и более многочисленные. Здесь в некоторых случаях наблюдаются принципиальные различия. Это согласие дагестанок с принципом талиона, при отрицании его русскими: с людьми поступать так, как они со мной; добро за добро, «око за око». Вероятно, не случайно дагестанские девушки также более русских склонны считать, что не все люди достойны того, чтобы с ними церемониться, и что многие понимают только силу; с ними нельзя быть добрым. Дагестанки в целом несколько более русских девушек «анархичнее»; они скорее склонны считать, что мораль – дело вкуса, каждый может поступать, как ему подсказывает интуиция, тогда как русские скорее против. И в вопросе о том, что каждый сам вправе решать, что хорошо, что – плохо, дагестанки проявляют большую уверенность.

Лишь отчасти подтверждается гипотетическая приверженность дагестанцев (прежде всего женщин) принципу талиона («око за око»). Также выражен социальный мотив дагестанцев: стремление не нарушать правил и приличий, даже если с ними нет согласия.

В решении моральных дилемм между мужчинами различия небольшие, их немного. Дагестанцы категоричнее русских против сомнительных средств для достижения цели, в частности, против того, чтобы выгодно купить вещь сомнительного происхождения (вероятно, краденую). Дагестанцы категорично против того, чтобы проводить опасные медицинские эксперименты на людях, хотя и с их согласия. Позиция русских здесь неопределенна.

Некоторые межэтнические особенности характерны **только для женщин**. Дагестанские женщины скорее не склонны прощать жестокие обиды, не мстить за нанесенный вред (здесь снова видим приверженность принципу талиона), тогда как русские здесь занимают противоположную позицию. Неудивительно, что дагестанские женщины больше русских готовы применять пытки к террористу, чтобы узнать о месте заложенной бомбы. Но они против убийства, даже если жизни угрожает опасность (при самообороне), тогда как русские здесь занимают скорее противоположную позицию (хотя близки к неопределенности). Вероятно, сдерживаю-

Решение
моральных
дилемм

щим фактором у дагестанских женщин здесь является именно принятый ими же принцип талиона; скорее понимание, что месть носит двусторонний характер.

В целом можно сделать определенные выводы о способах решения моральных дилемм в двух сравниваемых культурах. Русские студенты безусловно являются большими «иезуитами» по сравнению с дагестанскими; цель у них чаще и больше оправдывает средство, хотя напрямую в моральных ценностях и принципах это не проявляется.

* * *

Резюме

Во-первых, очевидно относительное сходство русской и дагестанской культур в отношении некоторых аспектов морального сознания – ценностей и принципов, решения моральных дилемм. Различий между культурами относительно немного, они не принципиальны. Очевидно, что русские несколько более оправдывают средство целью, но дагестанцы несколько более анархичны в самоопределении, хотя одновременно больше русских руководствуются социальными ожиданиями. Мстительность, часто приписываемая кавказцам в целом, в данном случае сильно преувеличена.

Однако очевидно, что в Китае мы сразу видим принципиально иную моральную систему. Китайцы гораздо ответственнее; не склонны перекладывать на кого-либо или что-либо ответственность, не настолько иезуиты, как россияне в целом, – против оправдания средства целью. Они не анархичны в морали, против самоопределения в нормах, ценностях и принципах. Их понятие о справедливости также, вероятно, весьма отличается от европейского.

К сожалению, нам трудно судить о том, насколько можно распространять полученные результаты на весь огромный Китай. Моральное сознание россиян также весьма неоднородно, русские разных регионов иногда довольно заметно отличаются друг от друга. Китайцы приграничных районов, которые принимали участие в эксперименте, могут также испытывать влияние российской культуры и отличаться от представителей других районов. Соответственно, в Китае с его неоднородным национальным составом, с влиянием нескольких религиозных традиций, можно также предполагать значительные различия в социальных нормах, моральных принципах и структуре морального сознания в целом, которое заслуживает более глубокого и всестороннего изучения.

1. *Гусейнов А.А.* Великие моралисты. М., 1995. С. 22.
2. *Васильев Л.С.* Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в современном Китае. Сборник статей / Редколлегия: А.А. Бокщанин, Л.С. Васильев (отв. ред.), А.И. Кобзев. М., 1988. С. 173.
3. *Кычанов Е.И.* Ли и право // Этика и ритуал в современном Китае: Сборник статей / Редколлегия: А.А. Бокщанин, Л.С. Васильев (отв. ред.), А.И. Кобзев. М., 1988. С. 299.
4. *Гамзатов Г.Г.* Факторы согласия и межэтнического напряжения // Жизнь национальностей. 2005. № 2. С. 18.
5. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 51.
6. *Еремеев Д.Е.* Ислам. Образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 135.
7. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М., 1997. С. 23.
8. *Хвостов А.А.* Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты. Монография. М., 2005.